

БЛАГОСЛОВЕННОЕ ВРЕМЯ

В День пионерии школьники не учились. Мама утречком собирала для меня «тормозок» из варёных яиц, прятала в чистую тряпицу шмат сала, заворачивала в кефирную фольгу жаренные ещё вечером домашние котлеты, хлеб в газетку, пёрышки зелёного лука к хлебу; полагалась в такой день и бутылка сладкого домашнего кваса. Сегодня все школы города выйдут на природу. Родители мои держали для меня корову, вырос я на молоке; кроме кабанчиков и кроликов, в нашем хозяйстве водились два десятка кур-несушек. Наливала мама и бутылку молока: день долгий, и молоко не пропадёт...

Школа наша шестая в Канске — трёхэтажная, из красного кирпича. Далеко видится она над шиферными крышами низкорослых изб из брёвен, барачных из бруса, среди улиц и проулков в частном секторе — это в районе Первого военного городка. Красавица наша школа! Школу мы любили. Казармы Первого военного городка — за высоким забором из бетонных плит, ещё царского юнкерского

училища постройки. В советское время была школа прапорщиков, готовили стрелков-радивистов. Мрачные, тёмные, из красного кирпича, казармы и складские помещения. Большой военный городок. Жилые дома для офицерских семей, как и казармы из красного кирпича, тоже от царя-батюшки стоят, мрачные, с узкими высокими окнами. Рассмотреть из школьных окон военный городок весь не удаётся за рослыми тополями. Но в нашей школе учатся офицерские дети, в городок не проникнуть без пропуска, поэтому и сам городок, и наши одноклассники «оттуда» — для нас как бы военная тайна. За военным городком — вольная пойма до реки Кана. В этой пойме, вдоль речной протоки, на луговых сочных травах — ох как хорошо валяться на горячем майском солнышке, кувыркаться и играть в лапту, бегать с мячом и громко визжать, что мы и делали. Школьники ждали День пионерии не меньше, чем день Седьмого ноября, когда всей школой ходили на демонстрацию в центр города. В нашем детстве праздников мало было у наших родителей. Днём и город-то выглядел полупустым, народ работал на многочисленных предприятиях с утра до ночи. И это напряжение трудового ритма чувствовалось в воздухе. Поэтому праздники для родителей детей вдвойне радовали. Праздновали День Великой Октябрьской социалистической революции, День Советской Армии и Военно-Морского Флота. Любимыми были в школе и Международный женский день восьмое марта, Первое мая. Учиться мы любили, я восьмилетку прошёл «ударником». Любили мы учителей, наших «вторых мам». Удивительное советское время — это начало шестидесятых и до конца восьмидесятых годов. Четверть двадцатого века...

А на праздниках в День пионерии мы простодушно радовались полой майской воде в речных протоках; ольхе и черёмухе, шиповнику по берегам протоки, которые уже бурели в уремах и согре вишнёвым прутом, а зелёные — смолистые, липкие, зеленеющие пёрышки из почек — хмельно будоражили детскую кровь. Тайна жизни. Её новизна. Испуганно, по-птичьи, колотилось сердечко детское от тайн и новизны познания жизни. От весенних — властных и терпких — запахов влажной земли. Ах, как бьётся детское сердечко от первой детской любви к однокласснице Тане...

Наша шестая школа каждую весну отмечала День пионерии в луговой пойме — вдоль берега протоки. Соревнования проходили между классами: в волейбол, в лапту; намявшись на вольном воздухе, размещались мы, девчонки-мальчишки, локоть к локтю вокруг общего пионерского костра и пели голосисто душевные детские песни: «Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы — пионеры, дети рабочих!» Бывая с родителями на праздничных «маёвках», подражая матерям, расстилали наши девочки-одноклассницы в День пионерии — хозяйками — к обеду на травке скатёрку, в складчину укладывали мы на скатёрку мамкины припасы и по-взрослому, не торопясь, лупили от скорлупы варёные яйца, ели степенно котлетки и сало, запивая молоком и квасом, а то и просто колодезной водой, принесённой из дома. Беззаботные дети социализма. Все мы, советские школьники из рабочих семей, дети офицеров, и не ведали тогда, что взрослый мир жесток и несправедлив. Все мы были счастливые маленькие люди в своём неведении. Благословенное время!

МАМИНЫ ШАНЬГИ

Люблю октябрьские праздники! Осенние каникулы в школе! Шестое ноября люблю. Раннее утро накануне седьмого ноября люблю: мама печёт в русской печи на железных листах шаньги, пироги с ливером, с яйцом и рисом; встаёт в два ночи и с четырёх часов управляется на кухне у печи. Утром выскочишь из-под одеяла, как не спал, и бежишь к рукомойнику за цветастой шторкой, кулачками глазёнки потрёшь, ополоснёшь с ладошки личико водичкой и спешишь с полотенчиком в руке за кухонный стол! Шаньги, солнцеликие, лоснящиеся маслом по золотистой корочке, так и манят взор, рука тянется к фарфоровой чашке за шаньгой. Мама обязательно довольно улыбнётся, обязательно аккуратно поправит косынку, едва заметным движением руки легонько подобьёт пальчиками прядь волос со лба под плат. В доме тепло и тихо; отец ушёл на работу ещё в темноте; окна кухни — на восток и север: там кромка тёмного синего неба плавится в яркий солнечный багряный горизонт; солнце! солнце! А в белом от снега огороде редким розовым паром дышит морозец. Седьмого ноября на центральной площади Канска будет демонстрация, соберётся на площади весь город; от красных флагов душа захочется в радости; Ленин выступает на броневике — актёр в гриме. Отец купил мне фотоаппарат «Смена-8», я буду шнырять между взрослыми, фотографируя Ленина на броневике.

Прошло полвека. Сегодня по-народному «тяпница» — пятница. Шестое ноября. Ночью от морозов остановился Кан, ледостав в сроки, пока снег не присыпал шугу, лёд рябью — похож на нечёсаную серую овчину. Морозец и солнце багряное на востоке, как

и в детстве. Сегодня время поменять обтрёпанное красное знамя, трепетавшее полгода с моего балкона. К празднику — новое красное знамя. В тёплом зелёном халате выхожу на балкон, отвязываю крепёжные верёвки, высвобождаю крашенное красным лаком древко. На кухне глажу утюгом новое, пахнущее мануфактурой, шёлковое красное знамя с надписью жёлтыми буквами по красному полю: «Справедливая Россия. Родина. Пенсионеры. Жизнь». Знамя это было таким — при учреждении партии «Справедливая Россия». Но «кадеты» скоро меняли красное знамя на «жёлтый предательский билет»! Я же храню запас знамён и каждые полгода меняю на новое, снимаю потрёпанное ветрами и дождями, пургой и посечённое колючим снегом полотнище. В тёплой комнате приближаю новое красное полотнище к древку гвоздиками с золотистыми шляпками. Родители мои давно прибрались, храню о них светлую память; живу хутором и бирюком уже два десятка лет и зим; шаньги перестал покупать: увы, они так не похожи вкусом на мамины шаньги в детстве.

МОЯ ШКОЛА

Вспоминаю свою шестую школу в Канске в начале шестидесятых: вечером на втором этаже устанавливали школьный кинопроектор, и мы, ребята, на полу сидя и лёжа, смотрели любимый художественный фильм «Александр Невский». В буфете давали вкусные кисель и компоты, пирожки и «языки» — бесплатно, на завтрак; школьная теплица кормила нас зеленью и огурчиками; на уроках труда нас учили столярному делу, каждый из нас сам собрал и унёс домой табурет, собственными

руками сработанный. Строем мы не ходили нигде и никогда, разве что на День пионерии шли организованной колонной за город, в луга прибрежные, где и костёр, и игры. Не знаю, где это так гнобили братьев Чубайсов, что они так ненавидят СССР и Фёдора Достоевского, но и пионерлагерь был светлым и интересным отдыхом. Жили у Христа за пазухой. Жили и не особо тужили, жизнь шла ладком да рядом, шла жизнь, похожая на человеческую, а теперь из далёкого далека видно, что она и была человеческой — та жизнь при народной советской власти. И крепнет убеждение, что советская власть обязательно вернётся.

Только в тридцать лет узнал о партии коммунистов, что существует КПСС и райкомы, когда шёл сплавом по Индигирке на байдарке — и потребовался пропуск в пограничную зону: в пароходстве в Белой Горе меня послали в райком. А до этого, как и миллионы обычных граждан, я легко и свободно жил, учился, работал, улетел юношей в Магадан. И не трогали меня бюсты Ленина, они были частью той ойкумены, в которой витала моя душа романтика и идеалиста. В отличие от сверстников, я ходил по ночному Канску с ружейным обрезом, провожая девчонку на Мелькомбинат, в бандах и драках не замечен, но знаю, что такое «и тюрьма, и сума». Тем не менее, была осознанная необходимость жить по совести и соблюдать закон! Вот и получалось, что и пропаганда, агитация доходила до тех, кто в ней нуждался. Я с детства знал от мамы: не укради, не ври, живи честно. Так я и прожил жизнь.